Книга двадцать первая

Андрей и звезда по имени Луми

Денис Федотов

Денис Федотов

Андрей и звезда по имени Луми

«Автор»
2026

Федотов Д.

Андрей и звезда по имени Луми / Д. Федотов — «Автор», 2026

Луми готовится к самому важному путешествию — превращению в настоящую звезду. Андрей, Соня и все друзья собираются, чтобы проводить его, но даже любовь близких не может избавить маленькую искорку от страха перед неизвестностью. Вместе им предстоит пережить прощание, которое окажется не концом, а началом новой истории. Трогательная сказка о дружбе, смелости и любви, которая продолжает светить, даже когда расстояние кажется бесконечным.

© Федотов Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Нэя зовёт 5
Глава 2. Без расписания 7
Глава 3. Соня 9
Глава 4. Тысяча триста лет 11
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Денис Федотов
Андрей и звезда по имени Луми

Глава 1. Нэя зовёт

Тёмин Орион на снегу продержался три дня. Потом дворник дядя Паша расчистил песочницу, но обошёл рисунок стороной, аккуратно, по кругу, будто это была клумба. А на четвёртый день пошёл новый снег, мягкий и густой, и Орион ушёл под него весь, вместе с кружочком в мече и надписью «ЛУМИ Я СМОТРЮ».

— Он не пропал, — сказал Тёма, когда Андрей вёл его из садика. — Он там. Просто под одеялом.

Андрей кивнул. Он теперь часто думал о том, что вещи не пропадают, а просто уходят туда, где их не видно.

Дома было тихо. Луми спал на своей плитке на подоконнике в кухне, рядом с бабушкиным старым радио и звон-кристаллом. Он стал совсем белым, белым до голубизны, и подоконник под ним был тёплым, как печка. Мама подстелила под плитку ещё одну, на всякий случай. А на стекле в том месте, где он сидел, мороз больше не рисовал узоров. Вокруг всё окно было в ледяных папоротниках, а посередине оставался чистый круглый глазок. Как будто кто-то надышал.

Вечером вся семья сидела на кухне. Мама вязала. Папа читал. Андрей делал уроки, вернее, смотрел в учебник по физике и думал совсем не про физику.

И тут зашипело радио.

Оно шипело и раньше. Через него приходили приветы от Тиша, от Искры, иногда от Тика с его маяка: ровное, спокойное тиканье, как у старых часов. Но сейчас шипение было другим. Мягким. Широким. Будто в нём было много-много голосов сразу, и все пели колыбельную, только очень далеко.

Папа отложил книгу. Мама отложила спицы.

Луми проснулся. Он поднялся над плиткой и повернулся к радио, и свет его стал ровным и внимательным.

— Ан… дрей, — сказало радио. Голос был тёплый и низкий, и очень-очень старый. — Это. Нэя.

Андрей узнал бы этот голос из тысячи. Нянька звёздных ясель. Та, у которой много рук и на все хватает. Та, которая летом сказала ему: «Он будет готов к первому снегу. Облако тоже».

— Я слышу, — сказал Андрей. Голос у него вдруг сел.

— Облако. Готово, — сказало радио. — Тёплое. Тихое. Ждёт. Приходите. Когда уйдёт. Луна.

И шипение стало тише, тише, и пропало. И на кухне стало слышно, как тикают часы над дверью.

Никто ничего не говорил. Потом папа встал, подошёл к холодильнику и посмотрел на Витькин календарь. На календаре была нарисована маленькая Луна возле каждого дня: Витька нарисовал их ещё летом, специально, по своему астрономическому справочнику. Полная, половинка, тонкий серпик. Папа провёл пальцем по клеточкам.

— Новолуние, — сказал он. — Вот. В субботу через неделю. Девять дней.

Девять дней.

Андрей посмотрел на Луми. Луми смотрел на него. Свет у него был спокойный. Ни капли синего. Он мигнул один раз.

Да.

Мама тихо убрала вязание в корзинку. Встала. Подошла к Андрею и положила руку ему на плечо. Ничего не сказала. И Андрей был ей за это очень благодарен. Потому что если бы она сказала хоть слово, он бы заплакал. А плакать сейчас было нельзя. Сейчас надо было думать.

Нет. Не думать. Сейчас надо было просто сидеть на кухне. С мамой, с папой и с Луми. И слушать, как тикают часы.

— Девять дней, — сказал наконец папа. Он сел обратно, но книгу брать не стал. — Знаешь, это много.

— Много? — Андрей посмотрел на него.

— Много, — твёрдо сказал папа. — Я полгода на станции прожил. И знаешь, что я понял? Что день — это очень много. Если его не торопить. Там, наверху, шестнадцать раз в сутки восходит Солнце. Шестнадцать рассветов в день. И я сначала думал: ну и что, привыкну. А не привык. Каждый раз смотрел. Каждый. Потому что каждый был свой.

Он помолчал.

— Девять дней — это девять рассветов. И девять закатов. И девять вечеров на кухне. Это много, сын. Не трать их на то, чтобы бояться последнего.

Андрей взял карандаш и пошёл к холодильнику. Нашёл субботу через неделю. Ту самую клеточку, где ещё летом Витька нарисовал снежинку и вопросительный знак. Андрей стёр вопросительный знак. И нарисовал рядом маленькую звёздочку. Не такую, как в других клеточках. Больше. С лучиками.

А потом подумал и стёр лучики. Нарисовал просто кружок. Тёплый, как Тёмин в песке.

Луми долго смотрел на этот кружок со своего подоконника. А потом снова опустился на плитку и уснул. И свет его во сне был ровный-ровный, как дыхание.

Глава 2. Без расписания

Прошлым летом Андрей уже составлял расписание. Жёлтый листок, все дни по часам, ничего не пропустить. И помнил, чем это кончилось. Луми, усталый и тусклый, в мокрой велосипедной корзинке под дождём. Потому что так было написано. И фальшивая галочка, которую потом пришлось стирать.

Поэтому на этот раз Андрей не стал ничего писать.

Он просто сел утром перед Луми, ещё до школы, пока мама грела чайник, и спросил:

— Чего ты хочешь? За эти девять дней. Что угодно.

Луми проснулся не сразу. Он теперь всегда просыпался медленно, как солнце зимой. Сначала чуть-чуть теплел. Потом светлел. Потом поднимался над плиткой. А потом думал. Долго. Свет у него переливался из белого в золотой и обратно.

А потом он мигнул один раз. И сразу четыре раза быстро, разными цветами. Синим, зелёным, розовым и жёлтым.

Андрей засмеялся. Этот сигнал он знал лучше всех. Соня придумала его ещё весной, когда составляла свою табличку. Один раз и четыре цветных: «У меня есть список».

— Опять список? — сказал Андрей. — Ну давай. Только я записывать не буду. Я так запомню.

Но Луми больше не мигал. Он просто смотрел. А потом медленно облетел кухню по кругу. Подлетел к маминой чашке. К папиной газете. К бабушкиному радио. К холодильнику, где под магнитами висели старые Тёмины рисунки, Сонин график и Витькина фотография Столпов Творения. Облетел их все, по одному, и вернулся к Андрею. И снова мигнул один раз.

— Это и есть список? — медленно спросил Андрей.

Да.

— Все? — Андрей почувствовал, как у него защипало в носу. — Ты хочешь… просто всех? Вместе?

Три раза. Золотом.

Всё правильно.

В школе Андрей рассказал Соне. Они сидели за одной партой, как всегда, и Вера Павловна, конечно, всё видела, но не сказала ни слова. Она тоже знала. Андрей рассказал ей ещё в понедельник, после уроков. Она долго молчала, глядя в окно, а потом сказала: «Хорошо, что в новолуние. Небо будет тёмное».

Соня выслушала и сразу достала свою зелёную тетрадку. «Наблюдения. Л.»

— Значит, так, — сказала она деловым голосом, но Андрей видел, что у неё дрожат пальцы. — Нам нужно собрать всех. Это раз. Твоих маму с папой, бабушку, Витьку, Тёму, Веру Павловну, мою маму. Это земные. А ещё неземные. Ора. Совет. Искра, Тиш, Тик, Ним с Мией, Шуршик. Кайр. Ула. Тихоход на Марсе.

— Тихоход не прилетит. Он марсоход. Он не умеет.

— Значит, пусть пришлёт привет. — Соня быстро писала. — Это два. Неземных лучше собрать на Луминесе. Там места больше. Это три. А земных у тебя на кухне. Мама испечёт пирог, я уже знаю, она всегда печёт, когда волнуется.

Она писала, писала, и вдруг остановилась. Ручка застыла над бумагой.

— Андрей, — сказала она тихо. — Я опять расписание составляю. Да?

Андрей посмотрел на её листок. Там были стрелочки, и цифры, и время, и даже табличка, кто что принесёт.

— Немножко, — сказал он.

Соня закрыла тетрадку. Подумала. Потом снова открыла и вычеркнула всё время. Все цифры. Все стрелочки. Остались только имена. Длинный-длинный столбик имён.

— Вот, — сказала она. — Просто список. Кого позвать. А когда и как, пусть будет как будет.

Андрей кивнул. И подумал, что Соня за этот год научилась тому же, чему и он. И что это, наверное, самое трудное, чему вообще можно научиться: не пытаться удержать всё сразу.

Вечером они пошли звать.

Витька, услышав, долго молчал в трубку. Потом сказал: «Буду». И положил трубку. А через десять минут перезвонил и сказал: «Я возьму камеру. Ты не против?» Андрей был не против.

Вера Павловна сказала, что придёт, только чуть позже, после родительского собрания.

Бабушка сказала: «Ну конечно, Андрюша. Я пирожки с капустой. Луми же пробовал? Не пробовал? Ну всё равно возьму. Пусть понюхает».

А к Тёме Андрей пошёл сам. Потому что Тёме такое нельзя было говорить по телефону.

Тёма выслушал всё очень серьёзно. Он сидел на ковре среди машинок, и Катя, его старшая сестра, стояла в дверях и тоже слушала. Когда Андрей договорил, Тёма ничего не сказал. Он встал, ушёл в другую комнату и вернулся с листом бумаги и коробкой фломастеров.

— Мне надо подготовиться, — сказал он. — Это же важно. Это же как в космос провожать.

— Как в космос, — согласился Андрей.

— Тогда надо, чтобы все смотрели, — сказал Тёма. — Бабушка твоя говорила. Чтобы ему было не страшно.

И Андрей не нашёлся, что ответить. Потому что бабушка рассказывала про Гагарина только раз, летом, у себя дома, и Тёмы там не было. Наверное, ему рассказал кто-то другой. Витька, может быть. Или Соня. Или Луми, на своём языке, когда сидел у Тёмы на ладошке в классе Веры Павловны.

А может быть, Тёма просто сам это знал. Маленькие иногда знают самые главные вещи сами.

Глава 3. Соня

Соня жила в соседнем доме, на третьем этаже. Из её кухни было видно Андреево окно. Не целиком, наискосок, из-за тополя. Но когда листья облетали, видно было хорошо. И всю эту осень, каждый вечер, Соня смотрела туда и видела, как в Андреевом кухонном окне светится маленький белый огонёк. Всё ярче и ярче.

Андрей пришёл к ней в пятницу. Луми остался дома, спал. На мороз его теперь было лучше не выносить: снежинки шипели на нём, как капли на сковородке, и прохожие оборачивались.

Дверь открыла Сонина мама. Она посмотрела на Андрея, так, как смотрят взрослые, когда всё знают и не знают, что сказать. Потом просто обняла его. Прямо в дверях, в куртке и со снегом на шапке.

— Она на кухне, — сказала она шёпотом. — Третий день не спит почти. Всё что-то чертит. Ты её покорми там, хорошо? Меня она не слушает.

Соня сидела за кухонным столом, и весь стол был в бумагах. Зелёная тетрадка «Наблюдения. Л.» лежала открытая, и из неё вверх торчали приклеенные листочки. Один на другом. Три. Четыре. График давно уже не помещался на странице, и Соня подклеивала и подклеивала, и теперь тетрадка стала похожа на маленькую бумажную башню.

Андрей сел напротив. Сонина мама поставила перед ними чай и тарелку с сырниками и ушла, плотно прикрыв дверь.

— Шестьсот сорок два измерения, — сказала Соня, не поднимая глаз. — С марта. Каждый вечер. Иногда по два раза. Я сейчас считала.

— Зачем?

— Не знаю. — Она наконец подняла глаза, и они были красные. — Чтобы что-то делать. Андрей, что мне потом с ней делать? С тетрадкой. Я ведь больше не смогу ничего записать. А выкинуть тоже не смогу. Она будет просто лежать. В ящике. И каждый раз, когда я буду открывать ящик…

Она не договорила.

Андрей не знал, что ответить. Он взял сырник, потому что Сонина мама просила её покормить, и положил перед Соней. Соня посмотрела на сырник с недоумением. Потом съела. Потом ещё один.

— Я ещё кое-чего боюсь, — сказала она с набитым ртом. И сразу покраснела. — Только ты не смейся.

— Не буду.

— Я боюсь, что мы с тобой… — она покрутила рукой в воздухе. — Ну… что всё кончится. Всё же было про него. ЦУП. Табличка. Графики. Путешествия. А если его не будет, то вдруг мы просто… будем сидеть за одной партой. И всё. Как чужие.

Андрей долго смотрел на неё. На её красные глаза и на крошки сырника на губе. На её бумажную башню. И вдруг вспомнил, как этой весной они поссорились. Из-за того, что он не рассказал ей правду. И как она тогда кричала: «Он мой друг тоже!» И как плохо было без неё. Даже когда Луми был рядом. Даже тогда было плохо.

— Сонь, — сказал он. — А когда мы весной поссорились. Луми ведь был. А всё равно было плохо. Значит, не всё про него. Значит, что-то про нас.

Соня моргнула.

— И ЦУП не про него, — сказал Андрей. — ЦУП про то, что мы все сидим на одной кухне. И табличка не про него. Табличка про то, что ты умеешь слушать, даже когда слов нет. Ты же и меня так слушаешь. Я заметил.

Соня покраснела ещё сильнее. И вдруг фыркнула. И заплакала. И фыркнула снова, всё сразу, и вытерла нос рукавом.

— Дурак, — сказала она. И Андрей понял, что это значит «спасибо».

Потом они сидели над тетрадкой вместе. Соня показывала. Вот март: линия качается, то вверх, то вниз, как резиновая. Это когда Луми подпалил занавеску. Вот апрель: ровнее. Вот скачок в мае: туманность Ориона, Нэя. Вот лето, медленный ровный подъём, и на полях маленькие рисунки: корзинка, самолётик, кувшинка, метеор. Вот осень. Вот первый снег. И линия доходит до самого верха верхнего листочка. И упирается в край.

— Дальше не помещается, — сказала Соня. — Я хотела ещё подклеить. А потом подумала: а зачем?

Она взяла карандаш. Подумала. И провела линию дальше. За край листа. Прямо на клеёнку стола. И нарисовала на конце стрелочку. А рядом маленькими буквами написала: «дальше».

— Вот, — сказала она. — Теперь правильно. Это не конец графика. Это просто бумага кончилась.

Сонина мама потом так и не стёрла стрелку со стола. Ни в тот день, ни потом. Она сказала, что у неё рука не поднимается.

Глава 4. Тысяча триста лет

В воскресенье Вера Павловна позвала их на крышу школы.

На крыше у школы была маленькая площадка с перилами, и туда раньше выносили старый школьный телескоп на треноге. Теперь телескоп таскала только Вера Павловна. Она говорила, что никому его больше не доверяет, а на самом деле, Андрей знал, просто любила его носить, как любят носить на руках старого кота.

Пришли Андрей, Соня и Тёма. Тёму отпустили под честное слово Андрея и под присмотром Кати, которая стояла в сторонке, сунув руки в карманы, и делала вид, что ей скучно. А сама смотрела на небо не отрываясь.

Небо было морозное и чистое. Луна уже стала тонким серпиком и вставала только под утро, и звёзды высыпали густо, даже над городом. А над крышами на востоке уже поднимался Орион.

Вера Павловна долго крутила винтики, дыша на пальцы. Потом сказала:

— Тёма. Иди сюда. Закрой один глаз. И смотри вот сюда. Стекло не трогай, только смотри.

Тёма приник к окуляру. Долго сопел. И вдруг застыл.

— Оно как птица, — шёпотом сказал он. — Как серая птица с крыльями. И в ней звёздочки. Четыре. В серединке.

— Трапеция, — сказала Вера Павловна. — Так эти четыре звезды называются. А птица — это туманность Ориона. Звёздные ясли. Место, где рождаются звёзды.

— Я знаю, — сказал Тёма, не отрываясь. — Там Луми будет жить. А где его облачко?

— Облачко отсюда не видно. Оно слишком маленькое и тёмное. Но оно там, на краю. Андрей знает где.

Тёма оторвался от телескопа и посмотрел на Андрея. И спросил то, чего Андрей боялся больше всего. Он давно знал ответ. Знал ещё с весны, с библиотечных книг. Но ни разу не сказал его вслух.

— А когда он зажжётся, — спросил Тёма, — мы его отсюда увидим?

Андрей посмотрел на Веру Павловну. И Вера Павловна поняла, что он не сможет. Она присела перед Тёмой на корточки, прямо в своей старой штормовке, и взяла его за руки в варежках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.